

Александр Зорич

Королева Кубков, Королева Жезлов



*Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)*



Александр Зорич
**Королева Кубков,
Королева Жезлов**

«Автор»

2007

Зорич А.

Королева Кубков, Королева Жезлов / А. Зорич — «Автор», 2007

Король Кубков из старой колоды Таро рассказывает о том, как его колода помогала выбраться из подземных лабиринтов попавшей туда из-за глупой шутки девчонке, внучке гадалки-любительницы... «Королеву Кубков» стоит прочесть, чтобы вместе с Татой пройти через смрадные городские подземелья в компании незримых спасителей.

© Зорич А., 2007

© Автор, 2007

Александр Зорич

Королева Кубков, Королева Жезлов

рассказ

Девочка безучастно посмотрела вверх, в круглый колодец распаханного канализационного люка.

Золотило куст полыни у самого края закатное солнце, красное, как перезрелая клубника. В вышине играли в голодные свои догонялки черные стрижи. Ветер донес трель автомобильного клаксона – изуродованную мелодию из «Крестного отца». Чуть погодя – далекий поездной гул.

Давным-давно к выходу из люка вели скобы-ступени, но теперь они осыпались, съеденные ржавчиной.

Чтобы выбраться наверх достаточно было подпрыгнуть. Метра на три с половиной в высоту.

Девочка долго, пока не затекла шея, смотрела вверх.

– Я... тут! – набравшись храбрости, крикнула она. Эхо повторило ее писклявый призыв и, размножив, уволокло в темноту.

Прямо под люком подземная река образовывала нечто вроде сухой отмели из желтого кладбищенского песка. Роль живописных валунов, ограждавших отмель от тухлой воды, исполняли глинистые комья грязи и сплюснутые пивные банки. Между ними змейками вились бурокоричневые струи – уцененная Зона из фильма Тарковского.

Тата заглянула в сумочку. Вынула из нее старинную колоду карт. Пристроила сумку под попой и уселась в золотистом круге света, что струился из люка. Хрустнула пластиковая трубка раздавленной губной помады. Бережно перебирая карты, она вытащила одну – это был Король Кубков – и спрятала ее в нагрудном кармане джинсового сарафана. Потрогала указательным пальцем козявку спекшейся крови на расшибленной коленке, затем осторожно обвела вокруг свежей еще, сочащейся ссадины, встала и побрела дальше, в темноту.

Действие этой повести начинается жасминным летним днем, когда я, ваш проводник по миру живых картин, известных профанам как гадальные карты, осознал, что одна милая моему сердцу и вполне безрассудная юная особа угодила в пренеприятнейшую историю, и что сие хотя и свойственно ее тревожному возрасту, но все же, увы, не является залогом этой истории благоприятного окончания... Сменю-ка я, пожалуй, этот викторианский фасон де парле, или, как выражается умник Король Мечей, «дискурс», на какой-нибудь посовременней – пока читатель не взбесился... Да-да, сменю. Вот прямо со следующего предложения и сменю – сейчас все равно не получится: инерция... Итак, разрешите представиться: я – знаменитый Король Кубков, самый речистый и сентиментальный из семидесяти восьми арканов Таро. Я сижу на троне, который невесомо парит у самой кромки бушующих волн, и пронзаю зрителя своим особым серо-голубым взглядом, который женщинам обещает любовь, а мужчинам – понимание.

Я очень скромный король – не скандалю, не требую себе привилегий, не напрашиваюсь на похвалы, а если шучу, так не зло.

Другие короли совсем не такие. Король Жезлов – тот буйан, завоеватель, Цезарь, Македонский и маршал Жуков в одном флаконе. Король Мечей – тот судья, критикан, гордец. Король Динариев – делец и торопыга, таких еще называют элегантным словом «негоциант», это только таким, как он, не лень ворочать миллионами... Признаться, мне трудно с другими королями, меня вообще тяготит мужское общество, пахнущее зрелостью и потом. Я предпочитаю книги, вино и молодежь, которой у нас колоде, как и везде, предостаточно – одних пажей и рыцарей

восемь штук, и все такие... как нынче говорят... «шебутные». Милее всех мне застенчивый Паж Кубков – красавчик в синем тюрбане и вышитом кафтане. С ним и с его голубой говорящей рыбкой – она живет в бездонном кубке – я могу беседовать часами! Паж Кубков напоминает мне мою беспечную любово-страстную молодость.

А вот с нашими королевами (или, как сказал бы невежда, какие на черноморских пляжах дуются в «подкидного» и «двадцать одно», «дамами») отношения у меня безоблачные (исключая конечно, Королеву Кубков, но о ней речь еще будет).

Королеве Динариев я помогаю по саду – мы вместе хлопочем на грядках, составляем земляные смеси и боремся с вредителями. С быстрой как пожар Королевой Жезлов я веду возвышенные и умные беседы (она же выручает меня, когда я влипаю в какую-нибудь историю, и ссужает мне денег). И даже злока и ехидна Королева Мечей, нерукопожатная особа для доброй половины нашей плоской братии, меня ценит и по-своему нежит. У нас с ней крепкая дружба. Королева Мечей считает: я единственный, кто в состоянии понять ее тоску и ее нескладные порывы. В общем-то, так оно и есть.

Некоторые недалекие субъекты из младших арканов вроде рвача Двойки Динариев или склочника Паж Мечей считают, что мое приятельство с королевами лишь следствие прежних чувственных связей... Глупости это все! Чувственно я познал лишь одну из Королев – Королеву Кубков. С остальными же знаюсь платонически. В минуты откровенности я не стану, разумеется, отрицать, что я мог бы, еще как мог бы, соблазнить Королеву Жезлов. Ее золотые локоны и веснушки меня и впрямь волнуют... Увы, в своих мыслях я разрываю отношения женщинами быстрее, чем они успевают толком начаться, я слишком хорошо знаю, что я их не люблю и никогда не полюблю, поскольку в душе у меня нет на них места – все занято Королевой Кубков... А иногда мне кажется, что я в принципе не способен любить всерьез, потому что меня самого вроде как всерьез и нет...

Это тонкие материи – особенно, конечно, вопрос «есть я всерьез или нет».

Посмотреть с одной стороны, так «мы», как нас ни зови – «плоский народец», «живые картины», «арканы» – «мы» существуем, причем во множестве.

Мир наводнен миллионами гадальных колод. Иные из них пашут, как продавцы швермы – от утренней зорьки и до вечерней, таская в мир килограммы, тонны правдивейших пророчеств и предсказаний.

Другие потаенные – все больше отмалчиваются в белье-вой тиши комодов, чтобы раз в год поведать своему владельцу Самое Важное. Третьи – малоопытные, малограмотные, совсем новые, купленные по случаю какими-нибудь школьницами, непросватанными девицами, студентами-хвостистами, эти и букв-то не знают, а пытаются читать, нас читать... И даже эти малоопытные – они ведь тоже кому-то нужны и полезны...

Так вот, в мире миллионы колод, а значит миллионы таких же как я. Ведем себя мы все приблизительно одинаково (люди даже придумали умное слово архетип), выглядим – тоже... При этом смерть любой отдельно взятой колоды (а ведь и такое случается – утонет, к примеру, «Адмирал Нахимов») ничего в общем порядке не нарушит, отряд не заметит потери бойца... Это потому, что за нами всеми стоит одна сила, она не обеднеет, как не обеднеет солнце, если станет у него на один луч меньше... Вот когда думаешь об этом, о том, что нет в тебе никакой незаменимости, и даже никакой своеобразности, начинает казаться, что и тебя самого нет. Ну, почти. А иной раз подумаешь этак самодовольно: ведь наша колода уникальна, и задачи, которые она уполномочена решать, тоже особенные. И что такое солнце как не совокупность своих лучей, каждый из которых по-своему пробивает серенькую вату туч? И тогда кажется – врешь, брат, мы, арканы, все-таки есть, и существуем всерьез, каждый в своей отдельности.

У нас, у плоского народца, всякое случается – то повздорим, то застолье устроим с братаньями... Бывает – выгоним кого-нибудь взашей из нашего круга. Но ненадолго так, для острастки. На моей памяти выгоняли Дурака, любителя горланить песни и говорить «без оби-

няков»... Потом, правда, назад пустили, сжалились. Однако и номер у Дурачины теперь нулевой. А ведь мог бы быть первым... Мы, плоский народец, достаточно похожи на людей – по сути, такие же рабы страстей и обстоятельств (полагаю, поэтому-то нас к людям и приставили). Правда, есть и отличия. Например, мы не очень-то любим разговаривать. В девяноста процентах случаев нам, арканам, «все ясно». Мы редко спрашиваем что-либо друг у друга. Знак вопроса появился в нашем синтаксисе лет тридцать назад. А все привычка: чуть что интересно – идти к Заоблачным Вратам, за которыми водятся ответы на все-все-все вопросы.

В сравнении с людьми мы, плоский народец, более миролюбивы. За несколько десятилетий существования нашей колоды свара с рукоприкладством у нас стряслась всего одна – когда драчуны с Пятерки Жезлов проиграли пари Семерке Жезлов, вооруженному дубьем детине... Помню, Ангел Умеренности разливал смутьянов водой... Смирность наша объясняется просто – мы знаем, вместе нам жить и жить, может, сто лет или двести, а в других обличьях, после гибели колоды – так и до скончания веков. Новеньких в коллектив не пришлют, старенькие не исправятся... Есть ли смысл скандалить? Теперь открою страшную тайну (пожалуй даже прошепчу ее жарким шепотом!): мы, плоский народец, суть пленники. Подневольные мы картинки. Мы приставлены к людям, чтобы служить им, желаем мы этого или нет.

Нас отпускают на волю лишь когда все люди на земле будут счастливы.

Возьмем к примеру сегодняшнее утро.

Ночью спал я плохо – уж очень громко за окном выл пес, что живет среди сумеречных трав аркана Луна. Проснулся поздно, время шло к полудню. И проснулся бы за полдень, если бы не Семерка Мечей, ворюга и проходимец. Он, видите ли, явился предложить мне один из украденных им ночью клинков! Выгнал его – ступай, говорю, к Двойке Динариев. (Тот и впрямь скорее всего купит – что ему, барыге.) Завтракать я отправился к Королеве Динариев, она умеет стряпать, нажимает на блюда, полезные для здоровья. Тут тебе и салаты из проросших зерен, и хрустящие морковные котлетки, и витаминные коктейли с благоуханной ореховой пахлавой... Раньше я равнодушно относился к теме «здоровый стол», но вот в последние пятнадцать лет начал прислеживать – меня, Короля Кубков, так часто донимают вопросами о здоровье болящие клиенты нашей патронессы Алисы Егоровны, что я поневоле стал бдеть, как бы не поднабраться от них хворей... Потом мы с Королевой Динариев прогуливались по ее сказочному саду и, конечно, сплетничали. Думаю, если бы моя любовь, Королева Кубков, застигла меня с ней – как мы воркуем, с какой предупредительностью трогаем друг друга за края одежд – в ее глазах вскипели бы огневые слезы ревности.

К слову, сад Королевы Динариев граничит с садом Хозяйки – это она повелевает детьми, беременностями и взаимностью в любви. Мы долго стояли у ограды, вдыхая томительное головокруженье, что источал эдемский розарий, оценивающе глядели на фруктовые деревья, они плодоносят круглый год. Вполголоса гадали, что сейчас поделывает соседка – небось, полужит, этак томно развалилась, на своем троне (он как всегда выставлен на веранду) и любитесь разноцветными искрами, которыми брызжут пробужденные полуденным солнцем алмазы ее короны? А может, кокетничает с Императором? Строит глазки святоше-Иерофанту? «Ко мне, мужчины, ко мне!» – вышито на поясе Хозяйки.

Потом Королева Динариев отыскала прелестный кожаный мяч, его ссудил Двойка Жезлов, важный вельможа (клиенты и даже многие предсказатели принимают этот мяч за глобус, но нас-то не проведешь!). Мы было начали уже бросаться им, когда в ажурном проеме калитки возникла простоволосая, изможденная Восьмерка Мечей, закадычная подруга Королевы Динариев. Руки ее были связаны веревками, она рыдала...

«Что на сей раз?» – участливо поинтересовалась моя гостеприимница.

«Сейчас... расскажу...» – всхлипнув, проронила Восьмерка Мечей.

Королева Динариев метнула на меня извиняющийся взгляд и сделала этакий выметающий жест своими миниатюрными пальцами – мол, ты ступай, я буду врачевать душевные раны.

Что ж... Я уже почти добрал до своего моря-океана, когда в небе надо мной распростерлась знакомая стальная туча. Налетел ветер, туча рассыпалась на несколько курчавых облачков. Глядь – из ближнего облачка выросла рука, крепко сжимающая увенчанный короной клинок. Туз Мечей!

Я вздохнул. Небесное это явление означало, что меня, нас, зовут туда, в большой быстрый мир, где живут люди – любители разговоров и смертоубийств. Сейчас будем выпрямлять судьбы, вскрывать нарывы на мягких тканях души.

Вместе со мной в Сферу Энроф заторопились и другие – тройки и десятки, двойки и пажи, подсобные рабочие Тайны.

У нас, арканов, спаянный коллектив.

С точки зрения наблюдателя, находящегося в сфере Энроф, мы почиваем в ларце, обитом изнутри красным бархатом. Самые злые из нас – вроде Пажа Мечей – называют его саркофагом, а те, кто добродушнее, вроде купчины в винном погребке Десятки Кубков – Нашим Прекрасным Дворцом. Ларец этот спрятан в нижнем отделении старинного секретера. Он заперт на ключ, ключ же лежит в яйце, яйцо – в утке, утка... шучу. Ключ под шерстяным ковриком возле кровати Алисы Егоровны – так зовут нашу патронессу.

Алиса Егоровна опытная женщина. Когда-то она работала инженером в конструкторском бюро, специалистом по сопротивлению материалов. Мы уже тогда ее знали, хотя, конечно, не так хорошо. Иногда она раскладывала нас прямо на своем кульмане, на пахнущих графитом чертежах детских санаториев и техникумовских общежитий, а ее товарки, с обремененными тушью «Ленинград» ресницами (как видите, у нас было время досконально изучить материальную культуру места нашего последнего назначения), боязливо тарасились на результаты гадания, прозревая сквозь нас... нет, не будущее, но всего лишь свои маленькие мечтанья и пустые страхи.

Тогда наша Алиса знала только три расклада: вездесущий «Кельтский крест», ответчика на все важные вопросы, простодушную, как цыганский романс, «Малую подкову» (в ее тетради, с выбитым золотом Марксэнгельсом на обложке, она была помечена ремаркой «на любовные взаимоотношения») и расклад из трех карт «Утро-день-вечер», который прорицал день текущий.

К моменту выхода на пенсию наша Алиса была уже настоящей эрудиткой по части раскладов – раскидистых, как калина, струящихся синусами-косинусами, фигурных, уже почти фигурных, линейных. Она разговаривала ими, а иногда даже глаголала. Как и положено мастерице.

Но тогда гадалка Алиса, еще только осваивающаяся в возрасте бабы-ягодки, напоминала дворового гитариста, пытающегося сыграть на трех привычных аккордах сразу все полюбившиеся мелодии – от «...сбил его товарищ Ли-си-цин» до «Ты прошла как каравелла по высоким волнам...».

Все ее тогдашние клиентки хотели одного: любви. Случалось, она раскладывала «Малую подкову» дюжину раз за день.

В те времена «Кельтский Крест» с его судьбоносными ответами на важные вопросы и даром никому не был нужен. На глобальный вопрос «куда идти?» тогда отвечали очень локально – к любовнику. Это потом, когда Алисино КБ закрыли, а на его месте возвели нечто капиталистически-фалличное, когда все прочие КБ и НИИ были распроданы или превращены в доходные дома, «куда идти?» вопрошали многие, пламенно глядя в пустоту перед собой.

Во времена развитого социализма я, Король Кубков, пользовался незаслуженно высокой популярностью – это роднило меня с мюзкомедией и болгарскими курортами. Каждый второй

расклад Алиса делала на меня. По науке я назывался «сигнификатором». И хотя мужчины, как и женщины, подлежат влиянию четырех основных мастей статистически равномерно, распадаясь на четыре основных группы, по замечательной иронии судьбы советские труженицы хотели видеть именно во мне символическое воплощение своего возлюбленного.

– Он какой, ваш мужчина? – спрашивала клиентку Алиса, теребя свои массивные янтарные бусы, привезенные из прибалтийского отпуска.

– Ну... какой-какой... Ласковый, – отвечала девушка из отдела кадров.

– Чувственный?

– Очень.

– Знак Зодиака его не знаете? Хотя бы день рожденья?

– Только познакомились...

– Глаза голубые?

– Кажется.

– Ну... – с покорным вздохом резюмировала Алиса, – значит будет Король Кубков.

Я ложился в верхний правый угол стола, а подо мной, на сияющих священным ужасом глазах девушки из отдела кадров, росла «Малая подкова». Она сулила вопрошающей служебный роман в крымской санатории, два аборта и перевод с повышением.

Реальные возлюбленные этих девушек – машинисток, инженерок, лаборанток – в жизни были либо королями мечей, либо королями динариев, изредка – королями жезлов (правда, эта честолюбивая публика сторонила всяческих КБ как проказы). Но девушки не замечали как будто. Они хотели видеть своих мужчин поэтами, страдальцами и такими универсальными леонардо-да-винчами. Последнее было ближе к правде, нежели первое и второе. Мужчины, на которых гадали кабэшные жизели (уж я-то знаю, ведь я ходил за этой информацией к Заоблачным Вратам!) были и впрямь многогранны, но лишь в сфере личного. Дома – поблекшая жена при упрямом чаде, в курортном городе – подруга-художница, на десять лет старше, в конторе – страстишка с химией и на каблуках. В поэзии они не смыслили дальше «все возрасты покорны», а если и страдали, так от простатита.

Внучку Алисы Егоровны звали Тата.

Ей было одиннадцать с половиной лет. Опасный возраст, когда в теле уже пробуждаются дурные репродуктивные соки, а ум и душа еще всюю живут бесполой горней тишиной андерсеновских сказок и звериным озорством санных катаний с ледяной горы. Возраст, изрядно оскверненный писателем-бабочковедом и основанной им сектой литераторов-лолитописцев. К счастью, наша Тата была ненимфетна – не то, чтобы совсем некрасива, но вовсе не отмечена печатью той особой, через старческие морщины и целлюлит пробивающейся прелести, которая уже в тринадцать-четырнадцать делает девочек капризными и блудливыми.

Лицо у Таты было широким, с чуть припухшими от застоя лимфы щеками и большим красным ртом, глаза же, напротив, были у нее небольшие, неопределенного какого-то грязно-серого цвета, взгляд чаще рассеянный или отсутствующий, речь медленная, грубоватая, по-мальчишески маловнятная. Славных русских кудряшек, абрикосового пушка на лягвиях и выразительных гримасок, вызывающих приток крови к пещеристым телам – всего этого за Татой не водилось. В общем, с точки зрения современных эстетов, второй сорт. Королеве Динариев, она самая дальнзоркая из четырех королев, было ясно, что когда Тата вырастет, служить она будет Мужскому Богу, а вовсе не Великой Богине, что, впрочем, не мешает ей при желании выйти замуж и произвести одно-два чада.

Мы, плоский народец, познакомились с Татой одним зимним вечером.

Тата болела пневмонией, Тату лихорадило. Алиса, на попечении которой уже несколько лет находилась девочка, не знала что предпринять, чтобы облегчить горящему тельцу его, не в этой жизни заслуженные, мучения. Тата отказывалась кушать, отказывалась разговаривать и,

что самое вредное, не желала принимать лекарства. Только брыкалась под одеялом и жалобно подвывала. Бабушка уже почти согласилась с тем, что дитяtko придется поместить в больницу – брыканья Таты она принимала за судороги. Чтобы поднять болящей настроение, был закуплен целый лоток киндер-яиц с игрушками внутри. Но, выковыряв из шоколадной скорлупы дурно отлитый из пластмассы трехколесный велосипед, фигурку рыцаря с копьем и пупырчатую жабу, Тата потеряла интерес к забаве, смахнула дребедень с одеяла на пол и громко, жалобно разревелась.

– Не хочу яйца! Хочу сейчас карты!

Ни слова не говоря, бабушка принесла Тате затрепанную колоду игральных карт, она осталась от первого мужа нашей патронессы, барабанщика военного оркестра.

– Не эти карты! А твои! Те, такие красивые! – приостановив рев, прогундосила девочка.

– Мои?

– Ну те, с которыми ты разговариваешь, когда гости приходят! Я видела!

– Мои тебе нельзя, – отрезала бабушка.

– *Сейчас* можно!

Помрачневшая Алиса проскрипела стареньким паркетом в направлении своей спальни. Вернулась уже с ларцом в руках. А внутри ларца, как уже было сказано, ждали мы, плоский народ.

Это в грубоматериальном мире мы плоские, а в других слоях прозрачного торта Вселенной мы очень, очень многомерные. Впрочем, я повторяюсь... Для нашей патронессы доверить внучке свою заветную колоду означало пойти на подлинную жертву – она пребывала во власти предрассудка «одна колода – одна рука». (Впрочем, как и все предрассудки, этот является таковым лишь отчасти.) Алиса наивно полагала, что за всю двадцатилетнюю историю нашей с ней дружбы мы, арканы, бывали исключительно в ее руках.

На самом деле пальцы-чужаки оскверняли нас дважды – первым был проверяющий Тихон Модестович, седовласый кагэбэшник с грозно-костлявым лицом – Алиса еще не родилась, а он уже троцкистов чистил! Тихон Модестович обнаружил нас аккуратно завернутыми в линейчатый тетрадный лист на дне сейфа, который материально ответственная Алиса полагала своим персональным.

Второй раз случился, когда клиентка Алисы – помню, она гадала на наследство – воспользовавшись неожиданной отлучкой гадалки по вызову начальства, пошла на поводу у деятельного бабского любопытства. Выхватила нас, оставленных без присмотра, из ларца и перещупала, а потом еще и надругалась – раскладывала нами, точнее пыталась раскладывать, вульгарный пасьянс «Колодец».

Помню, мы были обескуражены таким обращением и сразу же сменили наши парадные, запредельно-значительные лики на глянцевитые, шарлатански-пафосные личины. Щеголипажи вдруг стали скучными и пустыми, как геи-манекенщики, короли предстали мужланами, а королевы сделались похожи кто на старую перечницу, кто на пропустившую свой поезд Каренину, а кто и на Раису Горбачеву (стоял восемьдесят седьмой год и воздействие этого образа на простую женщину было сродни действию рвотного). Нарушительнице наскучил пасьянс, она сложила нас в ларец, а там и Алиса вернулась...

С тех пор маленькая Тата частенько к нам приходила, обычно по воскресеньям.

Стоило бабушке, громыхнув бронированной дверью, отправиться на продуктовые закупки, как Тата, проворно выскользнув из-под одеяла, вприпрыжку неслась в ее комнату, вставала на четвереньки перед кроватью. Вначале долго-долго, цепляя черными волосами пушистую пыль, глядела по углам, искала, не поблескивает ли у дальней стены беглая бусинка или монета, очень уж любила она что-нибудь ценное найти. Затем все-таки извлекала ключ от заветного секретера из-под коврика и, шлепая тапками без задников, неслась к тайнику. Осторожно, как достают из аквариума морскую свинку, Тата выцарапывала колоду из ларца и

усаживалась на двухстворчатое бабушкино ложе (всегда аккуратно застеленное пледом – пионерка-Алиса не пропустила ни одной смены в пионерском лагере и спустя полвека все еще боготворила кроватный аккуратизм). Очарованная Тата часами рассматривала нас.

– Здравствуй, девочка Тата. Хорошо ли ты вела себя сегодня? Не дерзила ли старшим? – спрашивал ее наш главный зануда Император.

– Посмотри на мои монеты, девочка. Один динарий я прижимаю к животу, два других – попираю ногами, четвертый – водрузил себе на голову. Я – делец. По-вашему – бизнесмен. Если ты будешь слушать мои советы и советы Двойки Динариев, у тебя тоже будет свой замок с башенками и конюшней, не хуже того, что у меня за спиной, – шептал Четверка Динариев.

– Тебе нравится этот богатый кубок, маленькая принцесса? Он украшен самоцветами и сделан из лунного света. В нем – волшебное голубое вино, в котором растворены все любви мира. Смотреть в него гораздо интереснее, чем влюбляться. Потому что когда ты в него смотришь, ты влюбляешься беспрестанно – и чувство твое сильно и безгрешно! – уверяла Тату моя единственная королева, Королева Кубков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.